

PSIXOLOGİYA**НАЦИОНАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ****Р.Г.КАДЫРОВА***Бакинский Государственный Университет*

Национальное государство является продуктом сравнительно недавнего исторического прошлого, насчитывающего чуть более двух столетий. В литературе можно встретить разные объяснения относительно причин возникновения национальных государств.

Так, Э.Геллнер [4] указывал на такие факторы, приводящие к возникновению национальных государств, как индустриализация и потребность в единой, централизованной системе образования. В свою очередь, Б.Андерсон [1] подчеркивал роль печати и грамотности населения. М.Манн [7] также отмечал роль распространения грамотности, но добавлял наличие торгового капитализма. Другой исследователь, Э.Смит [9] акцентировался на важности существования предшествующих образованию нации этничностей или, по его терминологии, «этни». П. Кеннеди [8] особо отмечал военные преимущества, которыми обладают централизованные национальные государства, которые способны набирать солдат на более универсальной основе, позволяющей производить массовую мобилизацию. Так, если донациональные государства в виде королевств или империй имели армии, набиравшиеся из наемников, то Франция, ставшая в результате Французской революции 1789 года, одним из первых примеров национального государства, впервые могла мобилизовывать население на новой - национальной - основе.

И хотя эти и другие авторы порой оспаривают утверждения друг друга о том, какой фактор лежит в основе создания национальных государств, все согласны в том, это национальные государства – появились относительно недавно, являются продуктом современности (эпохи модерна).

Далее, в отличие от королевств и империй, с присущими им «богоданной» и династической системами правления, степень легитимности и эффективности национальных государств в значительной степени зависит от того, насколько государства преуспели в формировании у своих членов чувства национальной идентичности. В этом процессе формирования сильного чувства национальной идентичности правящие элиты в 19 веке использовали такие институты социализации как армия и школа, а в 20 веке – средства массовой коммуникации. При этом, по мнению некоторых исследователей, решающей силой государственного строительства был и остается национализм. Примечательно, что сам национализм готов оспаривать тезис о сравнительно

недавнем образовании наций, утверждая, что нации существовали всегда.

Так, современное национальное государство, самый важный продукт национализма, претендует скорее на свою «естественно данную», чем исторически созданную, форму суверенности, которая якобы осуществилась в соответствии с идущим из древности предназначением. Для того чтобы ощутить такую древность, европейские нации, в течение 18 и 19 веков - периоде, когда происходило их формирование, занимались постоянным изобретением традиций. Этим способом новые политические образования публично и символически декларировали свою древность и свою «естественность».

Не стоит забывать, что общепринятые и межнациональные символы национальной обособленности, такие как пограничный пост, паспорт, национальный гимн – являются современными продуктами. Средневековая Европа, с ее сложными, сегментированными формами лояльности, не имела управляемых из единого центра политических образований, имеющих свои границы. При этом, вовсе и не ожидалось, что эти формы средневекового правления могут воспроизводиться по всему миру. Фактически, для сознания средневекового европейца не существовало понятия о мире как о целостности в современном смысле слова, поскольку для средневекового сознания мир исчезал за неизведанной кромкой темноты. Это весьма отличается от современных представлений или понятий о мире, репрезентирующих мир не только как физическую тотальность, но и как политическую и моральную целостность. В этом плане, установившийся порядок национальных государств как морально конституированный порядок, заполнил голое пространство земного шара.

В этой связи следует отметить вселенский успех национализма как идеологии. Если марксизм практически сошел или сходит с мировой сцены, а идеология либерализма оказывается востребованной только узким числом западноевропейских государств, то национализм исповедуется практически во всех уголках земного шара. Как подчеркивается исследователями, вся земная поверхность, за исключением Антарктики, поделена между нациями, что делает национализм наиболее успешной идеологией за всю историю человечества [3]. Можно сказать, что национализм является составной частью современного мира, поскольку он питает идеологию, благодаря которой национальные государства воспроизводятся как нации.

Но если земной шар охвачен национальными государствами, то логично предположить наличие огромного числа представлений, дискурсов и образцов мышления, которые направлены на принятие и поддержку национальных государств. В этом смысле, национализм не есть идеология, привязанная к определенным национальным государствам, он есть более универсальное явление, он представляет собой интернациональную идеологию. Национализм не только позволяет разным народам думать о себе как отдельных нациях, заслуживающих своего независимого государства, но также способствует созданию воображаемой и единообразной общности людей, которых относят к той или иной нации. Национализм предоставляет общее понятие о «нации», подпитывающее политическое воображение различных национальных движений, правоцентристских диктаторских режимов и устоявшихся национальных государств. Как любая идеология, стремящаяся объяснить

социальный мир, представить его случайность как выражение некоей данности, национализм ссылается на существующие представления, дискурсы и образцы мышления в качестве факторов, делающих современный мир - национальных государств естественным фактом человеческого бытия, вернее, его социального окружения.

Среди разнообразных точек зрения на феномен национализма можно выделить два основных взгляда на это явление, присущих западным исследователям. Во - первых, национализм часто связывают с правыми политическими движениями, которые ратуют за проведение политики, руководствующейся исключительно преданностью нации. Во-вторых, к национализму относят движения, ставящие целью освобождение от колониальной зависимости и создание национального государства. В этом случае, национализм рассматривается не как эндемичное свойство национальных государств, а как сила, угрожающая существованию или стабильности уже существующих национальных государств.

Если исходить из особой функции национализма в создании национального государства и чувства национальной идентичности, то следует принимать во внимание и социально-психологические измерения данного феномена.

Очевидно, что мир наций есть не только политическое образование, но также явление психологическое или идеологическое. Так, Гидденс следующим образом определяет национализм: «Под национализмом я понимаю феномен, который главным образом является психологическим – привязанность индивидов набору символов и убеждений, подчеркивающих общность среди членов данного политического порядка» [5, 35]. Однако Гидденс связывал психологические условия национализма с неустойчивыми, прерывистыми моментами. Хотя социально-психологические измерения национализма можно также рассматривать как постоянные и банальные, позволяющие воспроизводить устоявшуюся нацию как нацию.

Если национализм принадлежит современной эпохе и если он, прежде всего психологичен, тогда он создает новые социально-психологические формы, как в своих прерывистых, так и в константных моментах. Прежде всего можно сказать, что национализм предоставляет новые формы идентичности или обеспечивает новые способы «провождения» субъекта национальным гражданином.

Как отмечается исследователями, указывающими на изменение условий, вызывающих привязанность, по сравнению с предыдущим временем - при средневековом крепостном праве, каждый крепостной был привязан к участку земли и к определенному феодалу; теперь же предполагается, что каждый житель будет привязан к одной национальной земле и одному правительству, в обратном случае, он будет изгнан.

В мире, где правят нации предполагается, что каждый индивид обладает национальной идентичностью, которая связывает его с одной и, как правило, только с одной национальной общностью. Эти предположения о национальной идентификации не ограничены какими-то определенными формами национальных государств, напротив, они носят эндемичный характер, так

сказать, «внутренне» присущи самому миру национальных государств. Как в свое время писал Э.Геллнер: «Для современного человека иметь национальность также обязательно как иметь нос и уши». И далее он же добавляет: «Иметь национальность не является природным свойством человека, но так получилось, что это как бы стало таковым» [4, 12].

Из сказанного следует, что воспринимать национализм только в терминах социальных движений, которые стремятся нарушить существующую классификацию национальных государств, означает рассматривать нечто более общее сквозь узкую призму. Национализм вовсе не является «избыточным» феноменом, наоборот, есть общее идеологическое условие современного мира. Он есть международная идеология в том смысле, что он не только распространен среди народов, но и потому, что он представляет и делает «естественным» мир национальных государств. Таким образом, национализм охватывает идеологические формы и социально-психологические привязанности посредством которых статус нации и национальные государства могут воспроизводиться.

Если учитывать международный характер национализма как идеологии распространенной по всему миру, то для его понимания следует обратить внимание прежде всего на его «обычные», а не эксцессивные формы, характерные для националистических, фашистских движений. Ибо, концентрируясь на крайних формах национализма, мы рискуем пропустить из виду те стороны и свойства национализма, которые характерны для повседневной жизни, делающей национализм «естественной средой» обитания человека. Наоборот, национализм следует рассматривать как источник, питающий воображение и мышление рядовых членов «воображаемых общностей», к каковым следует отнести современные национальные государства.

Введенное Б. Андерсоном понятие о «воображаемой общности» указывает на важность социально-психологических измерений национализма. Уже по той простой причине, что для того, чтобы была «воображаемая общность» нужны акты коллективного воображения, которые «изобретают» национальную общность. Как отмечает в этой связи Б.Андерсон: «нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [1, 32]. Тем не менее, Б.Андерсон не конкретизировал социально-психологические измерения, вовлеченные в создание коллективного понятия об этой горизонтальной связи. В частности, можно задаться вопросом о том, как работает коллективное воображение, а также, какие темы или представления будут воображены. Упомянутый ранее Гидденс, заявлявший о важности социально-психологических измерений национальности, дает некоторый ключ в понимании характера такой психологии. Он упоминает о «глубоко заложенных идеологических предпосылках» национализма и намекает, что «это вокруг точек пересечения между дискурсивным сознанием и «живым опытом», которые будут группироваться идеологическими последствиями национализма» [4, 56]. Если автор прав, то обыденные способы выражения и переживания мира – или привычки, если использовать термин Бордю – будут насыщаться националистическими значениями, создавая среду, для которой кажется

«естественным» иметь национальные идентичности. Это значит, что исследователи должны обращать особое внимание на способы, какими конституируются социально-психологические аспекты статуса нации внутри обычного дискурса. В связи с этим, может возникнуть вопрос – какие националистические элементы вложены в дискурсивное сознание?

Тут следует еще раз подчеркнуть, что мы рассматриваем национализм как международную идеологию. Если исходить из узкого взгляда на национализм и рассматривать только экстремальные националистические движения, то можно прийти к ограниченному выводу о том, что существенные характеристики национализма связаны со стереотипами, которые прославляют ингруппу и рассматривают аутгруппу как презираемых врагов. Однако, национализм, как международная и банальная идеология, включает в себя нечто большее чем воображение ингрупп и аутгрупп: «мы» и «они» должны быть воображены как нации и поэтому, сам статус нации должен быть воображен [1]. Национализм состоит не только из отдельных стереотипов, но включает в себя некоторые теории или представления. Эти теории вовсе не обязательно могут быть признаны теориями, поскольку они принимают форму предположений на уровне здравого смысла о естественности наций в мире наций. Так, статус нации и «мир наций» должны быть воображены, ибо это дает «нам» возможность, не только вообразить «себя» как группу, но, что более важно, вообразить «себя» как национальных «нас».

Итак, воображение «нашей» нации есть наиболее очевидный аспект национализма. Националистическое воображение конструируется вокруг первого лица во множественном числе, поскольку оно есть воображение того, кто «мы» есть. Это включает в себя воображение своей личности, своего «я» и связывание его с категорией, как это описано в теориях социальной идентичности социальной самокатегоризации. При этом, сама категория имеет свое значение, ибо любая ингруппа не может быть воображена как нация. Национальная группа – это особый вид группы, так как идея о статусе нации включает в себя воображение общности как обладающей уникальной пространственно-временной идентичностью и претендующей иметь право на политическую независимость. Как писал А.Смит, для того, чтобы сформировать чувство национальной идентичности, население «следует учить тому, кто они, откуда они произошли, и к чему они идут» [9, 83] .

Социальные историки собрали достаточное количество материалов, свидетельствующих о том, как рост национализма сопровождался созданием мифов, коллективной памяти и т.д. Коллективное запоминание (как и коллективное забывание) достигаются посредством производства общих историй, которые описывают нацию как отдельную общность и, таким образом, придают смысл настоящему, по мере того как создают прошлое. В этом плане, нация воображается как уникальная общность со своей исторической судьбой и родиной. Должно быть сконструировано чувство особенности для того, чтобы «наша» нация воспринималась как отличающаяся от других наций. Например, в Англии королевская семья часто используется для построения данного чувства национальной особенности. Так М.Биллиг [3] сообщает о том, как англичане заявляли, что у них не было бы нации без королевской семьи. Они не

поддержали идею о существовании нации без королевской семьи, ибо что в этом случае, отличало бы их от других наций?

Во многих странах, чувство национальной принадлежности ежедневно поддерживается газетами и телевидением, которые пестрят сообщениями политического характера. Национальные политики – делают особый акцент на своей приверженности интересам нации. Как отмечает Харрис: «сегодня национализм задает рамки и язык для почти всех политических дискуссий» [6, 39]. Едва ли могло бы быть иначе, учитывая, что нации есть политические образования. Нет необходимости обращаться к грандиозным мифическим темам для воскрешения в памяти чувства нации, политикам достаточно использовать ставшие клише выражения типа «мы». «Мы» - значит нация, - это и подобное ему выражения настолько стали обыденными и не замечаются житейским сознанием, что их даже редко делают предметом специального исследования. И если так легко просмотреть идеологическое содержание, скрывающееся за этими словами, так это и есть достижение национализма. Понятие «национализма» должно давать возможность с легкостью говорить и с легкостью выслушивать подобные дискурсы, которые заполняют политическое дискурсивное сознание по всему миру.

В дополнение к задаче вообразить свою ингруппу как национальную группу, национальная идентичность предполагает и необходимость вообразить аутгруппы. Дело в том, что это неразрывно связанные процессы. Невозможно вообразить одно (ингруппу) без того, чтобы не вообразить другое (аутгруппу). Некоторые социально-психологические теории идентичности утверждают, что связывание своего «я» с категорией ингруппы есть важный элемент в групповой идентификации.

Так, теория самокатегоризации полагает, что побуждение к получению положительной внутригрупповой самоидентичности является психологически первичным по сравнению с дифференциацией с внешней группой; эта мотивация ведет к принятию категории ингруппы и отсюда к дифференциации от соответствующей внешней группы. Однако, этот подход не учитывает использование языка и особенно использование групповых категорий в речевой практике. Использование социальных категорий и прикладывание их к самому себе предполагает различие между ингруппой и аутгруппой. Это можно наблюдать в практических речевых высказываниях о «нашей» нации: использование «мы» для указания на нацию, предполагает конструирование «их», и наоборот. В этих случаях, нет причины предполагать, что «мы» более первично чем «они», поскольку обе категории в речи совпадают, то есть это есть как бы одновременный процесс.

Исторически мифы о нации имеют тенденцию развиваться по мере создания нации в противопоставлении к другим нациям. Нации перенимают национальные формы других наций, но делают это так, чтобы провозгласить свою национальную самобытность. Это особенно очевидно для наций, которые освобождаются от колониальной власти. Сражаясь за свою свободу нация создает свою историю.

Например, во время войны за независимость Американских штатов от Британской короны, Дж.Вашингтон был превращен из человека с обычными

талантами в мифического героя, поскольку он становился символом «истинных», не британских доблестей. В период 18 века Британия создавала многие свои современные символы нации, особенно касающиеся монархии. Часто, эти символы создавались в сознательном противопоставлении французскому стилю создания нации. Первая в Великобритании документированная карикатура, изображающая Джона Буля как «англичанина» также содержала изображение француза; Буль настолько же толстый и богатый, насколько Француз тощий и бедный.

Так, иконографический стереотип «нашего» национального характера (образ, предлагаемый для идентификации) был создан в контрастной дифференциации со стереотипом «их». В этом смысле, здесь есть подразумеваемое аргументированное измерение внутри стереотипа. Идентификация со своей ингрупповой карикатурой есть также идентификация в отношении к соперничающему Другому. Подтверждение своей нации достигается через отрицание. Иными словами, нет необходимости вообразить чью либо особенность, пока это не есть отделение от «других», воображаемых совершенно отличающимися.

Соответственно, дискурсы о национальной группе – ее история, культура, интересы – вовсе не невинны, как это может показаться на первый взгляд. Они одновременно содержат как подтверждение, так и отрицание, ибо, воображая «нас», они также воображают Других.

Например М.Биллиг обнаружил, что британские семьи, рассуждающие о монархии, не просто повторяют мифы о нации. В их рассуждениях постоянно присутствовало противопоставление другим: «наша» монархия – «настоящая» монархия; «наша» история более древняя чем «ихняя»; американцы завидуют «нам» и т.д. [3, 61]. Для того, чтобы говорить все это, другие страны и народы должны также быть представлены в воображении. Если «их» нет, тогда нет и нашей особой судьбы или предназначения. Даже для самых сверхнационалистических дискурсов – это общее правило. Воображение национальной общности есть также воображение границ и, таким образом, Других, за границами.

Национализм включает не только внутригрупповую принадлежность и чувства и не только конструирование константного и политически мобилизованного образа и чувства Другого. Национализм также размещает «нас» и «их» в мире наций – в международном мире. Следует отметить, что лингвистически, понятие «международного» формулировалось вместе с понятием о национальном государстве.

Понятие о «международном мире» требует осознания универсума, в то время как воображение ингрупп и аутгрупп есть воображение отдельных наций. Однако, мир наций не есть общая сумма частных или отдельных наций, ибо это есть мир, в котором партикуляризм приобрел универсальный характер. Существуют универсальные и подражательные символы партикулярности. Новые нации не придумывают создание нации заново, но каждая новая нация, провозглашая свою уникальность и самобытность и пытаясь получить признание со стороны авторитетных наций, копирует всеобщий образец для

выражения различий. Флаги, гимны и военная униформа следуют общепринятому, условному образцу, который символизирует частные варианты.

Символизируя эту подражательную частность, новый флаг указывает на универсальность: новая нация (независимо от ее географического или экономического положения) стала «настоящей» нацией, присоединившись к «мировому сообществу» наций. В литературе, посвященной глобализации, часто можно встретить мнение об упадке национальных государств, о том, что наступает эпоха транснациональных корпораций, свободного передвижения капиталов, рабочей силы, товаров и услуг. Однако, следует уточнить, что хотя современные правительства и государства имеют меньше пространства для маневра, национализм все еще сохраняет свою потенциальную идеологическую силу. Некоторые аспекты из вышеизложенного имеют значение для процессов национального и государственного строительства в Азербайджане. Как известно, важнейшей задачей, стоящей перед Азербайджаном, является достижение не только социального или экономического роста, но и национальное строительство, то есть создание полноценной нации, обладающей своим национальным государством. Говоря о национальной идентичности, следует различать национальную идентичность, основанную на этничности, и национальную идентичность, основанную на гражданстве. Большинство западных стран исповедуют гражданский национализм и гражданскую идентичность. Исторические особенности развития Азербайджана, который стал родным домом для целого ряда этнических групп, также делают наиболее привлекательным выбор в пользу гражданского национализма. Во многом это возможно, благодаря специфическим формам коллективной памяти и идентичности, сформировавшимся в Азербайджане [2]. В этой связи необходима специальная государственная политика по развитию и формированию национальной идентичности, учитывающая современные тенденции в развитии государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
2. Карагезов Р.Р. Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе. Баку: «Нурлан», 2005.
3. Billig M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995, 228 p.
4. Gellner E. Nations and nationalism. N.-Y.: Cornell University Press, 1983.
5. Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity, 1985.
6. Harris N. National Liberation. London: I.B.Taurus, 1992.
7. Mann M. European Development: approaching a historical explanation / Europe and the Rise of Capitalism. Blackwell: Oxford, 1988, pp. 27-54.
8. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London: Unwin Hyman, 1988.
9. Smith A. Nations & Nationalism in Global Era. Cambridge: Polity Press, 1995.

MİLLƏTÇİLİK SOSIAL-PSIXOLOJİ ÖLÇÜDƏ

R.H.QƏDİROVA

XÜLASƏ

Məqalədə millətçilik fenomeninə sosial-psixoloji ölçüdə baxılır. Millətin və dövlətin quruculuğunda millətçiliyin xüsusi rolunu qeyd edən müəllif, millətçiliyin əsasında duran bir sıra sosial-psixoloji mexanizmləri təhlil edir. O cümlədən, milli identifikasiya prosesini birinci fərdin öz "Mən"ini bu və ya digər qrupa ayırd etməsi ilə, ikinci yerdə isə başqa qruplardan özünü diferensiasiya etməsi ilə izah edən, özünü kateqoriyalaşdırma nəzəriyyəsinin tənqidi təhlili verilir. Milli identifikasiya prosesində həm müsbət qrup identifikasiyası, həm də qrup diferensiasiyasının eyni vaxtda aparılması tezisi əsaslandırılır.

NATIONALISM THROUGH SOCIAL PSYCHOLOGICAL DIMENSION

R.H.GADIROVA

SUMMARY

The article looks into the phenomenon of nationalism as having social psychological dimensions. Pointing out to the particular role played by nationalism in state and nation building, the author analyzes some social - psychological mechanisms underlying nationalism. In particular, the article conducts the critical analysis of the theory of self-categorization, which ascribes a primary role to the acts of individual's self referring to group and a secondary role to the acts of differentiation from other groups in the process of national identification. The author is arguing that the process of national identification simultaneously involves acts both of receiving positive group self-identification, and group differentiation.